

*Anna M. Plotnikova
Yekaterinburg, Russia*

**THE DEFENDANT'S LAST PLEA AS
A COMMUNICATIVE PHENOMENON
(Based on the Materials of Soviet State Trials between
the 1960s and 1980s and Modern Politicized Trials)**

Abstract. The article discusses ‘last pleas’ that were delivered at state trials by dissidents Andrei Sinyavsky, Yuli Daniel, Vladimir Bukovsky, and participants of the 1968 Red Square demonstration against the Soviet invasion of Czechoslovakia. We analyze the ‘last plea’ as an independent genre of judicial communication, emphasizing its stylistic and communicative-pragmatic characteristics. We also focus on the interaction between the psychological, moral and ideological components of these ‘last pleas’; analyze conceptualization of notions ‘freedom’, ‘justice’, ‘conscience’, and ‘state’; and characterize speech tactics used by defendants for self-presentation. The article discusses the linguistic aspects of how social self-portrait is constructed by Russian language speakers. Identification with a group of people the aim is to create the speaker’s self-portrait through various speech masks, metaphorical and other figurative images. The materials that were used for this comparative analysis also comprise the last pleas of defendants in criminal trials conducted in modern Russian if these ‘last pleas’ were discussing political topics and if defendants presented themselves as political prisoners. Awareness of the historical role of the judicial process which determines the use of the precedent texts, defines metalinguistic reflection on an ideologically loaded discourse.

Key words: judicial communication, political linguistics, speech genre, defendant’s last plea

*Т.И. Рожкова
Магнитогорск, Россия*

**ВЛАСТЬ В ЛОГИКЕ И РИТОРИКЕ ЗАПИСКИ КАЗАКА
АНЗИГИТОВА (КОНЕЦ XIX В.)**

Аннотация: В центре статьи анализ записки оренбургского казака Анзигитова, принимавшего в своем доме будущего императора Николая Александровича во время его возвращения из путешествия на Восток по

старой линии укреплений Оренбургского казачьего войска. Примененный культурно-исторический метод интерпретации текста в сочетании с антропологическим подходом позволили выявить отдельные стороны личности пишущего, его представления о царской власти, связать их с общим настроением казачества. Автор записки, оказавшись перед необходимостью описания события государственного значения, объективно испытывал давление со стороны принятых языковых форм культуры. Их выявление, а также подключение к рассмотрению «надтекстовой» составляющей, внимание к личному выбору повествовательных традиций со стороны субъекта позволяют выстроить картину понимания казаком власти и логики происходящего. С этой точки зрения записка иллюстрирует политический дискурс времени, вписываясь в первичный миф национальной культуры о трансцендентном характере царской власти. Высказывание казачьего урядника, встроенное в систему культурной традиции, позволяет определить выбранные им приемы сакрализации как со стороны формы, так и со стороны содержательных подробностей. Основные выводы работы связаны с наблюдениями за характером изображения истории частным человеком и с проблемами научной интерпретации письменных источников.

Ключевые слова: человек пишущий, история, интерпретация, повествование, сакрализация, письменная культура, семейная история, христианская легенда

Интерес исторической науки к документам частных лиц: дневникам, письмам, воспоминаниям, запискам – не только расширяет исследовательское поле науки, но и дополнительно актуализирует интерпретационные практики, обеспечивающие понимание используемого материала. Метод культурно-исторического анализа в сочетании с антропологическим подходом увеличивают объяснительный потенциал текста: дают возможность рассмотрения вопросов самосознания пишущего, его представлений о судьбе и власти, смыслах происходящего. Составляющие духовного мира пишущего человека, его представления о взаимоотношениях человека и власти, принятые этические нормы проявляются в выборе приемов изложения событий, определяют построение сюжетных ходов, отбор изобразительных деталей, лексических средств.

Важнейшим источником сведений о событиях, связанных с посещением цесаревичем Николаем Александровичем старой линии казачьих укреплений Оренбургской губернии, является книга

Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891» [Ухтомский 1897]. Страницы, связанные с проездом будущего императора по территории Оренбургского казачьего войска (раздел «В Оренбургском районе») принадлежат историку, есаулу, члену Оренбургской ученой архивной комиссии С.Н. Севастьянову (1863–1907) и имеют подзаголовок «Преимущественно по записям г. Севастьянова». Описание пребывания цесаревича в поселке Урлядинском Верхнеуральского уезда сопровождается дополнительным примечанием: «Взято из записанного самим урядником Анзигитовым рассказа, присланного в штаб Оренбургского войска в числе прочих описаний казаков-очевидцев о встрече Государя Наследника» [Ухтомский 1897: 200]. Примечание позволяет предположить, что Севастьянов выстраивал раздел «В Оренбургском районе» не только на основе своих записок, но и запрашивал материалы дополнительно. Над окончательным текстом книги по истории путешествия Ухтомский работал до 1897 г.; возможность и, вероятно, необходимость, дополнительного сбора информации была. Таково происхождение записки казака Анзигитова, присланной «в штаб Оренбургского войска». Записка интересна не только со стороны описания исторического факта, она является частным примером письменной культуры служивого казачества и позволяет сделать некоторые наблюдения, отражающие его картину мира.

Текст записки казака не скрывает личностного начала, свидетельством которого служат выражения «я находился», «мне много хлопот», «я постарался», «я предложил». Сюжет развивается на основании семейной истории, однако бытовая ситуация разделения хозяйства между отцом и сыном, сопряженная с выбором места под строительство дома, перестраивается по ходу повествования в сторону жанра христианской легенды, сосредоточенной на изображении отношений человека с Богом. Анзигитов вводит в рассказ мотив предвидения будущих событий, родственной христианскому чуду. В фольклорной традиции этот мотив характерен для легенд этической группы, утверждающих ценности праведной жизни человека [Славянские древности, 3, 2004: 90]. Подключение мотива придает тексту дидактический смысл: хлопоты по выбору места интерпретируются как свидетельства чудесного предопределения. «Божий

промысел» реализовался в общем решении казаков выбрать дом Анзигитова для встречи цесаревича.

Мотив преодоления трудностей строительства дополнительно окрашивает рассказ: место определилось не сразу, «наделало» казачку «много хлопот и забот». Фрагмент завершается благословением священника Словоохотова, поставившего точку в непонятной для нас суете вокруг утверждения места под строительство: «...благославляю тебе, хлопочи о нем и с Богом стройся» [Ухтомский 1897: 200]. В финале эпизода автор несколько раз напоминает читателям о Божественном провидении: «И вот, во время выбора квартиры, выбор пал на мой дом, и действительно судьбами Божиими в самом этом доме ныне Бог привел встретить неоцененного гостя, о чем я, так и вся моя семья, сердцем радуемся» [Там же]. Мы видим, как сюжет семейной и станичной жизни выводится из поля реальных проблем и осмысливается в системе диалога человека с высшими силами бытия, что характерно для изложения событий в народной христианской легенде.

Найденная автором повествовательная модель дополнительно реализуется в словосочетании «неоцененный гость», возникшем в его сознании, по всей вероятности, из текстов, которые он слышал во время церковной службы. Известно, что церковное красноречие постепенно распространялось на все слои общества. По отношению к государю в первой трети XVIII в. данное словосочетание употребил Феофан Прокопович – выдающийся оратор, автор учебников по церковному красноречию. Приветствуя в своем доме Петра Великого перед наступающим днем Пасхи, архиепископ, «с веселым и бодрым духом встретив радостно государя, шедшего к нему и имея бокал в руках с венгерским, возгласил: “Се жених грядет в полунощи! Блажен раб, его же обрящет бдяща; недостоин же паки, его же обрящет унывающа! Здравия и благоденствия гостю неоцененному, велие счастье рабу и богомольцу твоему, его же посетити благоволите!”» [Литературные предания 1994: 12]. Словосочетание «неоцененный гость» до наших дней функционирует в духовно-наставительных стихах, разрабатывающих сюжет встречи с «чудесным» странником. В традиции духовных песнопений встреча инока, монаха, старца, молодого юноши с Христом становится результатом борьбы добра и зла в душе человека [Духовные стихи 1999: 252-258]. В тексте монастырского песнопения «Послуша-

ние», записанного в 70-х годах XX в., «неоцененный гость» – сам Господь – явился молитвеннику, чтобы поддержать силы, развеять «тревожные сомненья» в минуту греховной слабости:

Просил у Господа прощенья,
Самоотверженности, сил,
Чтоб побороть те искушенья,
Что он с трудом переносил
[Богогласник 2004: 394].

«Неоцененный гость» освящает трудный путь назначенного иноку послушания и смиренно ждет его в келье, пока тот исполняет свой «святой долг»:

Ушел ли Гость Неоцененный
Иль ждет его он, может быть...
С надеждой тайною, священной
Спешит он дверь приотворить.
И что же? Дивное сиянье
Он снова в келье увидал,
И оправдалось ожиданье:
Господь опять пред ним стоял
[Там же: 395].

В записке 90-х гг. XIX в. словосочетание «неоцененный гость» поддерживает выбранные Анзигитовым изобразительные смыслы и отвечает его ощущению времени. Нужно обратить внимание, что светская периодическая печать, информируя читателей о передвижениях цесаревича в путешествии, использует другие уточняющие определения: *драгоценный, желанный, дорогой, долгожданный, августейший*.

Анзигитов переводит семейную историю в поле взаимодействия с религиозной традицией, осмысливающей происходящее с точки зрения высокого предопределения, усматривает в появлении цесаревича в его доме знаки своей собственной судьбы. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что казаки-земледельцы во время проезда цесаревича находились в тяжелом экономическом положении после неурожая предыдущего года. «В такое время приезд Государя Наследника был, действительно, явлением не только чрезвычайной важности, но и отраднейшим событием, ободрившим все земледельческое население войска», – замечает по этому поводу Э.Э. Ухтомский [Ухтомский 1897:193].

Центральное место в записке занимает описание чаепития в доме казака. Наблюдается предельная осторожность в изображении поведения наследника Николая Александровича, что проявляется в использовании готовых формул: «изволил принять», «изволил войти», «изволил отблагодарить», «изволил пожелать». В то же время изображение «неоцененного гостя» включает детали, наработанные национальной словесностью на основе представлений о «святости». Смысл святости в народном православии «состоит в причастности человека Богу, его обожённости, в его преображении под действием благодати Божией» [Живов 1994: 90]. Причастность цесаревича Богу обозначена уже в первой части записки: «Бог привел», – пишет Анзигитов. Святость личности цесаревича изображается в его поведении: в простоте, в смирении, в пренебрежении ценностями этого мира. В этом ключе подается эпизод угощения, когда к чаю были поданы «разные сласти из кондитерской». Оказалось, что «его высочество этого не кушает, а подали бы лучше чего-нибудь своего собственного приготовления, почему я постарался нарезать простого хлеба на тарелку и подать его высочеству» [Ухтомский 1897: 201]. Описание угощения проезжающего цесаревича неоднократно встречается в периодической печати, где авторы не делают никаких замечаний на этот счет. В «Оренбургских епархиальных ведомостях» встречаем: «Здесь не было недостатка ни в яствах, ни в напитках – обед состоял из пяти блюд» [Оренбургские 1891: 581].

На идею святости работает фрагмент представления цесаревичу членов семьи казака, желающих «видеть» наследника. Эта достаточно часто встречающаяся подробность, которая отмечается в поведении населения края. По материалам Ухтомского, встречающие «со слезами на глазах бежали вслед» цесаревичу со словами: «Привел Господь увидеть тебя»; после отъезда «Гостя» пожилые казаки еще долго говорили: «теперь и помирать-то легче, – привел Господь увидеть будущего Государя!» [Ухтомский 1897: 198]. Корнилий Тимофеевич Кузнецов, тоже участник церемониальных встреч, один из атаманов Усть-Уйской станицы Оренбургского казачьего войска, по прошествии десяти лет вспоминал о «мистическом желании» населения края видеть «царское лицо». Потому, «вернувшихся со службы», – пишет он, – обязательно спрашивали – «видели ли царя?» [Кузнецов 1911]. В подобных наблюдениях, разбросан-

ных по разным публикациям, можно заметить перенесение на личность цесаревича ожидания святого покровительства и защиты. В представлении цесаревичу семьи Анзигитова дополнительно подчеркивается идеальное поведение гостя: «изволил пожелать всем доброго здоровья и сделал общий поклон» [Ухтомский 1897: 201]. Визуализация в тексте записки жеста поддерживает принятый им стиль описания. «Общий поклон» – еще одна поведенческая практика смирения, характерная для поведения святых старцев.

Записка казака Анзигитова представляет интерес не только со стороны переданного в ней исторического события, связанного с посещением цесаревичем Николаем Александровичем Оренбургского края. О чаепитиях во время путешествия в записях С.Н. Севастьянова упоминается не раз. Тот же К.Т. Кузнецов включает в воспоминания разговоры на эту тему: «...в каждой станице и поселке, как бы ни была кратка остановка, Государь посещал квартиру и нигде не отказывал откушать или чаю, или молока – или что подавали к завтраку изстряпни казачек» [Кузнецов 1911].

На фоне официальных сообщений по встрече цесаревича записка привлекает к себе внимание как документ личного происхождения, как «история снизу». Анализ антропологической составляющей текста показывает, что события подвергаются автором личностной интерпретации, переосмысливаются в контексте собственной жизни и собственных переживаний. Казак Анзигитов с самого начала оценивает происходящее как знаковое событие не только в истории государства, но и в своей судьбе. Сообразно своей логике, он выстраивает и характеризует свои поступки. Несмотря на то, что в изображении будущего монарха Анзигитов проявляет крайнюю осмотрительность: пользуется распространенными формулами этикетного описания, образцами духовной литературы, его записка сохранила для нас особенности мироощущения составителя. Она еще раз обращает наше внимание на глубину духовных связей Оренбургского казачества с Богом и Государем накануне трагических событий начала XX в.

Литература

Богогласник. Созвучие времен. – М. : Издание Красногорского монастыря, 2004. – 532 с.

Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / сост. Е.Д. Бучилина. – М. : Наследие, 1999. – 416 с.

Живов, В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов / В.М. Живов. – М. : Гнозис, 1994. – 112 с.

Литературные предания XVIII столетия : Сборник анекдотов о русских писателях XVIII в. / сост. Н.П. Морозова. – Череповец : Изд-во ЧГПИ, 1994, – 89 с.

Оренбургские епархиальные ведомости. – 1891. – № 18.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т.3. – С. 89-91.

Ухтомский, Э.Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891 / Э.Э. Ухтомский. – СПб. ; Лейпциг : Ф.А. Брокгауз, 1897. – Т. 3. – 257 с.

Кузнецов, К.Т. 20 июля 1891–1911 года / К.Т. Кузнецов // Верхнеуральский листок, 23-24.07.1911.

Tatiana I. Rozhkova
Magnitogorsk, Russia

THE REIGN IN THE LOGIC AND RHETORIC OF THE COSSACK ANZIGITOV NOTE

Abstract: The article focuses on the analysis of the note, written by Orenburg Cossack Anzigitov, who hosted the future emperor Nikolay Aleksandrovich during the return from the trip to the East along the old line of strengthenings of the Orenburg Cossack army. The author uses the cultural and historical method of text interpretation in combination with the anthropological approach. It helps to reveal the character traits of the note author, his personality and his vision of the reign, and compare his perception with the Cossack army ambiance. The note author, describing the political events inside the country, obviously felt pressure of the used lexical forms of culture. The identification of these forms, the use of the “overscript”, and the attention to the personal choice of narrative traditions allow to create the Cossack perception of reign and the logic of the events. From this point of view, the note illustrates the political discourse of the time, and is the part of the archetypal myth of the national culture about the transcendental nature of the imperial power. The Cossack statement, implanting in the system of cultural tradition, helps to define the chosen ways of sacralization, both from the form, and from the content details. The main outputs of the work deal with the analysis of the history perception and its presentation by an individual person, and with the problem of science interpretation of written sources.

Key words: writing person, history, interpretation, narration, sacralization, written culture, family history, Christian legend

Е.И. Селиверстова
Санкт-Петербург, Россия

О РУССКОМ ДУХЕ И РУССКИХ ДУХОМ **(семантический и прагматический аспекты)**

Аннотация. Статья посвящена весьма популярной теме – использованию – преимущественно в современных текстах – устойчивых словосочетаний, нередко относимых к разным разрядам единиц – поговоркам, крылатым выражениям, прецедентным текстам, но объединенных номинацией явлений – предметов, людей, абстрактных сущностей, так или иначе связанных с русским национальным мироощущением, русским характером, психоэмоциональным настроем, традициями и бытом, творчеством и проч., и признаваемых как проявления русского духа. К анализу привлекаются примеры преимущественно последнего времени из интернет-источников (блогов, сайтов и др.) и Национального корпуса русского языка, позволяющие увидеть как неравную количественную представленность отдельных выражений (*русский дух, русский духом, русский по духу*; пушкинского *Там русский дух, Там Русью пахнет*), так и различие в тематике событий и фактов, освещаемых с привлечением этих оборотов.

Наиболее явной в результате проделанного анализа становится семантическая неоднозначность, диффузность весьма употребительного выражения *русский дух*, используемого для характеристики как людей, их поведения и поступков, так и предметов материального мира и абстрактных явлений, поскольку диапазон семантического прочтения и функционального применения этого словосочетания далеко не исчерпывается приведенными нами примерами и словарными толкованиями. До некоторой степени это касается и других выражений.

Ключевые слова: крылатое выражение, русский дух, современное употребление, семантическое содержание, Пушкин, трансформация

Устойчивое словосочетание *русский дух*, причисляемое к народным поговоркам (мы находим его и в словаре пословиц